

Чарская Лидия Алексеевна

Люсина жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Люсина жизнь / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 358 с.

ISBN 978-5-521-29822-8

ISBN 978-5-521-29822-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часть первая.

Д Ъ Т С Т В О.

I.

Шоколадная утка.

Трехлѣтняя очень худенькая и очень бойкая дѣвочка вьюномъ вьется по небольшой свѣтлой гостиной. Она то подпрыгиваетъ, приближаясь къ столу, на которомъ лежатъ четыре такія соблазнительныя вещи, какъ: большія ножницы, кусокъ воска, иголка съ ниткой, воткнутой въ подрубленный только что нянею носовой платокъ, и маленькая шоколадная утка; то, какъ ни въ чемъ не бывало, удаляется отъ стола и смотритъ съ самымъ невиннымъ видомъ въ окошко.

Маленькая дѣвочка—это я. Меня зовутъ Люсей. У меня есть отецъ и бабушка, такая старенькая, что когда кто-либо спрашиваетъ меня: «скажи, сколько лѣтъ твоей бабушкѣ, Люсинька?» Я сразу отвѣчаю безъ заминки.—«Сто лѣтъ!» Между тѣмъ какъ моей въ ту пору, дѣйствительно, старой бабушкѣ было около семидесяти.

Есть у меня еще няня Феня. Эта Феня очень молоденькая, румяная и такая бойкая, что двухъ минутъ не можетъ спокойно посидѣть на одномъ мѣстѣ. На кухнѣ за эту-то бойкость

мою няню остальная прислуга не очень доллюби-вала, а кухарка Лукерья, вся насквозь пропитанная кухоннымъ чадомъ и лоснящаяся, какъ только что начищенная кастрюля, та — Оению иначе какъ «вертихвосткой» не называла. Зато я свою няню очень люблю. Кромѣ папы, бабушки и Оени, у меня есть еще Филатъ, огромный песъ, про котораго моя молоденькая тетка, папина младшая сестра Муся, говорить, что онъ «страшно породистый», а папочка ей на это отвѣчаетъ несомнѣнно: «Что и говорить, чистокровный дворянинъ». Но о Филатѣ пока что распространяться не буду, такъ какъ начала вспоминать про шоколадную утку, къ ней и возвращусь. Шоколадная утка это—подарокъ, полученный мною нынче. Когда мы закупами съ Оенией сегодня въ лавкѣ на цѣлую недѣлю сладости: мармеладъ, постилу, изюмъ и орѣхи, приказчикъ съ умиленнымъ видомъ вынулъ изъ большой запыленной банки, крѣпкую какъ камень, шоколадную утку съ отбитымъ носомъ и приподнесъ ее мнѣ съ самой галантной улыбкой.

— Вотъ-съ, извольте-съ, получить маленькая барышня съ нашимъ особеннымъ вамъ почтеніемъ-съ. Кушайте-съ на здоровье и насъ не забывайте-съ. Послѣднія слова относились, кажется, къ Оени, потому что она вспыхнула и потупила глазки подъ устремленнымъ на нее взглядомъ приказчика. И тотчасъ же вырвала у меня изъ рукъ утку и положила ее къ себѣ въ карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и думать не смѣй до обѣда пробовать ее, Люсинька. А то опять затошнить, супа кушать не станешь и бѣдной Оени влетитъ по первое число, шопотомъ предупредила меня, довольно нелюбезнымъ тономъ моя молоденькая няня.

Вышла я изъ ма-
газина въ самомъ су-
мрачномъ настроеніи
духа и всю дорогу ду-
лась на Оеню. Дулась
и тогда, когда она, по
приходѣ домой, вы-
нувъ изъ кармана шо-
коладную утку, поло-

жила ее на столѣ въ гостиной, а сама усѣ-
лась, какъ ни въ чемъ не бывало, подрубить
платокъ и напѣвать въ полголоса пѣсенку про
сѣраго козлика.

Что касается меня, то я терпѣть не могу
этой пѣсни. И пѣсня глупая и козелъ глупый.
Охота же была ему лѣзть прямо на рога къ
злымъ волкамъ. Я бы, будь я козликомъ, непре-
мѣнно бы ихъ сама забадала рогами... Такъ бы
и не съѣли они меня ни за что. Или козликъ
былъ еще маленькій, и у него не выросли еще
рога? Надо разспросить объ этомъ хорошенько
Оеню.

Но мнѣ не приходится сдѣлать этого, потому
что моя милая нянечка, покончивъ съ подружкой
платка и обратившись ко мнѣ, еще разъ съ крат-
кимъ, но убѣдительнымъ внушеніемъ ни подъ
какимъ видомъ не ѣсть шоколадную утку до
обѣда, быстро исчезла за дверью гостиной, шумя
накрахмаленными юбками. Да, хорошо ей было

внушать... А каково-то испытывать соблазнъ моему чрезмѣрно-отзывчивому на все сладкое трехлѣтнему сердцу?.. Походивъ вокругъ стола просто шагомъ и побѣгавъ въ припрыжку, я самымъ неожиданнымъ образомъ пришла къ счастливому заключенію, что было бы далеко недурно заняться для препровожденія времени большими Оениными ножницами, положенными по сосѣдству съ шоколадной уткой. Не задумываясь ни минуты, я снова подхожу къ столу и беру ихъ двумя пальцами такъ осторожно, какъ будто они сдѣланы не изъ желѣза, а изъ хрусталя, и вотъ-вотъ ежеминутно грозятъ разбиться вдребезги на мелкіе кусочки. Вспоминаются почему-то стихи изъ книжки «Степка-Растрепка» о мальчикѣ, который поминутно сосалъ палецъ до тѣхъ поръ, пока къ нему не «прибѣжалъ портной съ большими ножницами, злой, и вдругъ не отрѣзалъ пальчики съ обѣихъ рукъ». Вспоминается и соответствующая этому случаю картинка: злодѣйскаго вида человѣка, въ клѣтчатыхъ панталонахъ, ручьи крови, и неистово ревущій мальчишка съ обрубками пальцевъ на рукахъ. Главнымъ же образомъ, вспоминаю ножницы всѣмъ такія же страшныя, какъ эти. Но такія ли острыя эти, какъ были тѣ, этого я не знаю и, чтобы въ томъ убѣдиться, хватаю со стола подрубленный Оеню платокъ, такой бѣленькій и аккуратный, ни разу, повидимому, не бывшій въ стиркѣ, и вырѣзаю изъ середины его ножницами кружокъ величиною въ мѣдный пятакъ. Потомъ соображаю мгновенно, что рубецъ на платкѣ далеко не такъ уже хорошо подрубленъ, и что было бы куда лучше замѣнить его зубчиками. Не откладывая дѣла въ долгій

ящикъ, сажусь на полу, тутъ же около стола и, пыхтя и сопя немилосердно, начинаю съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, мять и рѣзать ни въ чемъ неповинный новенькій платокъ. Полюбовавшись съ минуту на свою работу, я вспоминаю, что въ платокъ была воткнута иголка съ ниткой. Сейчасъ же ее здѣсь нѣтъ...

Гдѣ же она? Гдѣ? Куда она могла дѣваться?

Ужасное предположеніе мелькаетъ молніей въ моей младенческой головѣ. Совсѣмъ некстати припоминаются сейчасъ причины, объясняющія запрещеніе старшихъ давать дѣтямъ иголки въ руки: иголку можно проглотить — и тогда послѣдуетъ смерть неотвратимая и ужасная. Иголка можетъ также войти въ мягкую часть тѣла, оттуда потянется дальше, дойдетъ до сердца и тогда... тютю прощай, Люсинька!

Воображеніе мое разыгрывается...

Теперь мнѣ кажется уже, что это фактъ совершившійся, — и что я, дѣйствительно, проглотила иголку. Подхожу къ зеркалу и смотрю, не торчитъ ли нитка у меня изо рта. Нѣтъ, и съ этой стороны все обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Нитка не торчитъ. Стало-быть, послѣдняя надежда на возможность извлеченія при ея помощи иголки исчезаетъ безслѣдно. Это обстоятельство, какъ нельзя лучше соображаетъ моя мало умудренная житейскимъ опытомъ трехлѣтняя голова. И я начинаю тихонько хныкать и, поглядывая беспомощными глазами по сторонамъ, жалобно-прежалобно взываю:

— Няня Ёеня! Няня Ёеня! Ня-я-не-чка!

И вотъ снова взглядъ мой падаетъ на шоколадную утку. Не есть ли она моя спасительница? Что если я съѣмъ ее? Она защититъ меня отъ злополучной иголки, облѣпитъ ее своей мягкой клейкой массой, и та не вонзится въ мое тѣло. И я уже не разсуждаю больше. Стремительно вскакиваю съ пола и быстро хватаю соблазнительную приманку. Спрятавшись съ нею въ уголокъ гостиной между книжнымъ шкапомъ и роялемъ, я ѣмъ ее быстро и жадно, точно никогда не ѣла ничего сладкаго за все мое трехлѣтнее существованіе. Ѣмъ и вмѣстѣ съ этимъ вымазываю себѣ на совѣсть лицо, шею, руки, платье и передничекъ. Шоколадная утка могла бы съ успѣхомъ называться каменной, такъ она неудобо-съѣдобна и крѣпка. Но зато сладости невообразимой!

Прищелкивая языкомъ, глотаю послѣдній кусочекъ и вылѣзаю изъ моей засады. Проходя мимо зеркала, бросаю въ него удовлетворенный взглядъ и вдругъ начинаю ревѣть испуганнымъ страшнымъ ревомъ.

Ужасный маленькій карликъ смотритъ на меня оттуда своей черной, какъ у негра пятнистой фізіономіей. Жуткій маленькій карликъ съ лицомъ вымазаннымъ въ шоколадъ.

Я реву. Реву тѣмъзаливчатымъ ревомъ, который звономъ отзывается въ ушахъ самого ревущаго.

Вбѣгаетъ испуганная Оеня.

— Люсинька? Что такое? Что случилось? Кто обидѣлъ Люсиньку? И тутъ же, увидя мое невозможно-вымазанное лицо, Оеня краснѣетъ и сердито топаетъ ногою:

— Безстыдница! Съѣла-таки! Съѣла до обѣда шоколадную утку!

Я знаю по опыту, что вслѣдъ за этимъ неминуемо послѣдуетъ увѣсистый шлепокъ, и считаю, поэтому необходимымъ разжалобить Оеню.

— Я проглотила иголку! — взвизгиваю я на весь домъ.

Эффектъ отъ такого признанія получается чрезвычайный.

— Она проглотила иголку! — всплеснувъ руками, вопить не менѣе отчаянно моя молоденькая няня. И, схвативъ меня на руки, начинаетъ трясти съ такой силой, точно хочетъ заставить иголку выскочить изъ моихъ внутренностей.

— Какую иголку? Какую? — трагическимъ шопотомъ допытывается она у меня.

— Большую иголку, съ длинной ниткой, — продолжаю я фантазировать, не переставая реветъ ни на минуту.

Оеня въ отчаяніи и плачетъ тоже. Приходитъ бабушка, прибѣгаютъ отецъ и тетя Муся, которая гоститъ у насъ всѣ лѣтніе мѣсяцы, свободные отъ занятій въ институтѣ. — Что такое? Что случилось? Отчего Люсинька плачетъ? Въ чемъ это она выпачкалась? Да говори же, Оеня! — кричатъ они наперерывъ всѣ трое и протягиваютъ ко мнѣ руки.

Оеня, всхлипывая, объясняетъ въ чемъ дѣло. Она отлучилась только на минутку за молокомъ для Люсиньки, а Люсинька... И тутъ слѣдуетъ длинный перечень моихъ преступленій, существующихъ и несуществующихъ, всѣхъ, кромѣ самаго главнаго, о проглоченной игolkѣ Оеня благоразумно умалчиваетъ. Но я не замедляю возстановить истину и ору уже безо всякихъ слезъ, на весь домъ благимъ матомъ:

— Я проглотила иголку! Я проглотила иголку... А-а-а-а!

Весьма легко себѣ представить, какое впечатлѣніе получилось отъ этихъ словъ!

У бабушки подкосились ноги. Мой ненаглядный папочка сталъ такой же бѣлый, какъ только что изуродованный мною и теперь валявшійся на полу носовой платокъ; тетя Муся, всегда розовая и веселая, вдругъ будто слиняла, сразу какъ Фенина ситцевая кофта послѣ стирки.

— Доктора! Доктора! Необходимо сейчасъ же извлечь иголку... дать ей рвотное, заставить ее выпить сырыхъ яицъ и касторки... срывалось съ помертвѣвшихъ губъ бабушки въ то время, какъ папочка хватался за голову, не зная что придумать, что предпринять. Я же переходила съ рукъ на руки, отъ бабушки къ папочкѣ, отъ папочки къ Фенѣ и обратно. Одна только тетя Муся оставалась въ сторонкѣ и что-то усердно искала на коврѣ.

— Ахъ вотъ она!—весело прозвучалъ ея голосъ, и она звонко разсмѣялась на всю комнату.

— Вотъ она, иголка, преблагополучно валяется на полу. Ты ее и не думала глотать, проказница Люся!.. Сережа, мамочка, да успокойтесь вы, ради Господа Бога, живехонько и здоровехонько ваше сокровище ненаглядное... Ну, Люська, маршь въ свою дѣтскую, нечего арапчонкомъ ходить, безстыдница ты этакая!—обратилась она уже непосредственно ко мнѣ. Затѣмъ, поднеся къ самому моему носу иголку, ту самую злополучную иголку, которая по моему предположенію, должна была давно уже обрѣтаться въ моемъ желудкѣ, спросила, прямо глядя мнѣ въ глаза:

— Эту иголку, ты проглотила, негодница ты маленькая? Да? Говори!

— Эту... Съ длинной ниткой!—помимо моей воли нерѣшительно сорвалось съ моихъ губъ.

— Ха, ха, ха!—раздался вокругъ меня дружный веселый хохотъ. Мгновенно всѣ страхи и ужасы моихъ родныхъ перешли въ самое веселое настроеніе, теперь они отъ души смѣялись.

Смѣялся отецъ, смѣялась бабушка, смѣялась тетя Муся. Одной Фенѣ было не до смѣха. Бабушка очень строго смотрѣла на нее все время пока царило приподнятое настроеніе въ нашей маленькой гостиной. И этотъ строгій взглядъ сулилъ мало хорошаго Фенѣ. Когда же веселое настроеніе прошло, бабушка погрозила пальцемъ моей нянюшкѣ и внушительно произнесла:

— «Если что-либо повторится подобное, и ты еще хоть разъ оставишь ребенка одного съ опасными вещами въ комнатѣ, то я тотчасъ же рассчитаю тебя, Феня.» Поняла?

Русая головка моей молоденькой няни печально поникла при этих словах старшей хозяйки. Правда ненадолго. Лишь только старшие ушли, и мы остались снова вдвоем с нею, она бросила сердитый взгляд на мою жалкую, пристыженную фигурку и не менее сердито зашипела:

— У-у, негодная дѣвчонка! Лгунья! Иголку, видишь ты, проглотила! Безстыдница! Не такъ бы завопила, кабы по всамомдѣлешнему проглотила! Только добрыхъ людей напугала зря. Ишь ты вымазалась... Платокъ опять же испортила! У-у, срамница. Мѣсто изъ-за тебя, негодницы, терять мнѣ, што ли? Господи Ты Боже мой! Царица Небесная, Владычица, сладу мнѣ нѣтъ съ ребенкомъ этимъ. Погоди, негодница, ужо придетъ онъ—Зеленый, утащитъ тебя въ лѣсъ, отдастъ волкамъ, будешь тогда знать, какъ мучить бѣдныхъ людей! И схвативъ меня за руку, болѣе нежели энергичнымъ движеніемъ, она повлекла меня въ дѣтскую, чтобы смыть съ моего лица и рукъ злополучный шоколадъ.

* *
*

Вечеръ... На окно спущена непроницаемая темная штора. Синевато-желтый огонекъ лампы тихо вздрагиваетъ передъ большимъ образомъ нерукотворнаго Спаса. Я лежу въ своей мягкой тепленькой кровати и широко раскрытыми глазами смотрю на причудливый букетъ розовыхъ обоевъ, которыми оклеена моя уютная, хорошенькая дѣтская. Происшествіе съ шоколадной уткой исчезло безслѣдно и давно забыто. Вечеромъ бабушка съ папочкой и тетей Мусей, какъ ни въ чемъ не бывало, играли со мною